

Трудности с купеческим сословием были делом второстепенным. В Великой Чжоу правила проведения государственных экзаменов не отличались излишней строгостью: лишь самим торговцам в пределах трёх поколений запрещалось участвовать в отборах, прочие же их потомки вполне могли сдавать экзамен по разделу «Минцзин».

Зачастую этот экзамен сдавали именно купеческие дети, из-за чего выпускники престижного направления «Цзиньши» смотрели на них свысока.

Лу Юя все эти тонкости не касались. В его годы надеяться на чиновничью карьеру не приходилось, поэтому купеческая доля его ничуть не пугала — лишь бы прокормиться да скопить серебра, чтобы в будущем оплатить учебу и экзаменационные взносы для детей.

Но кое-чего он всё же не понимал.

— В уезд Пинцин? — спросил Лу Юй. — Господин уездный судья, а как же наши края?

Услышав это «наши края», Цзян Умянь окинул его взглядом. Голос его прозвучал мягче:

— В нашем уезде всё давно налажено. Соседи из Пинцина плугов для заливных полей так и не заказали, и бог весть, о чём думает тамошний уездный судья. Однако мы делим одну границу, и мне претит видеть, как зря надрываются простые люди Великой Чжоу. Так что придётся тебе, бригадир Лу, взять на себя эти хлопоты и совершить небольшую поездку.

— Если станут расспрашивать, подробно разъясни суть указа, что вывешен у наших ворот. Уезд Шаоюань рад любому работающему человеку, а тем, кто владеет семейным ремеслом, мы отдаём особое предпочтение.

Промышленный городок в Шаоюане рос день за днём. Богатые залежи железной руды давали уезду неоспоримое преимущество перед соседями, однако для завершения начатого дела как воздух требовались умелые руки — мастера самых разных ремёсел.

Продажа плугов была делом верным, но служила лишь благовидным предлогом. Настоящая цель Цзян Умяня крылась в другом — переманить к себе мастеров из соседних уездов.

Как только добрая слава о Шаоюане разнесётся по округе, народ сам потянется рекой.

Цзян Умянь достал стопку договоров на поставку плугов.

— Грамоте обучен? Считать умеешь?

Отец Лу Юя слыл искусным плотником, да и сам он с юных лет привык держать в руках топор. Такие люди, даже не зная иероглифов, устным счётом владели отменно: когда плату

начисляют за каждое сданное изделие, быстро привыкаешь прикидывать выгоду в уме, чтобы никто не вздумал обсчитать.

Лу Юй согласно кивком подтвердил свои умения, заметно приободрившись. Раз уездный судья завёл об этом разговор, значит, дело ему доверяют нешуточное.

— Забирай бумаги и ступай к советнику Цзяну. Выслушай его наставления, а уж после отправляйся в путь.

Мешкать Лу Юй не стал. Собрав артельщиков и взяв под начало десяток вооружённых солдат для охраны, он выступил из города. Плуги для заливных полей — груз громоздкий и тяжёлый, поэтому на каждого рабочего приходилось по тачке. Всего из уездных ворот выкатилось десять тяжелогружённых повозок.

Южные окраины Линьнаня славилась частыми дождями, а дороги за пределами Шаюаня почти никто не чинил. Путь лежал через колдобины и рытвины. Пробираться приходилось с трудом, увязая по колено в раскисшей глине, таща и толкая неповоротливые телеги. К счастью, в дорогу отправились люди, привычные к тяжёлому труду: навалившись всем скопом, они упрямо продвигались вперёд, не позволяя колёсам намертво завязнуть в трясине.

Одолев этот нелёгкий переход, отряд из двух десятков человек наконец добрался до границ уезда Пинцин.

Помня наказ Цзян Умяня, торговцы не стали входить в сам город. Вместо этого они облюбовали бойкое место прямо у тракта перед городскими воротами и принялись обустроить стоянку.

Из телег достали восемь прочных шестов, натянули поверх плотную проолифленную ткань и надёжно закрепили концы в земле — получился крепкий навес от солнца и дождя. Следом в ход пошли разборные широкие скамьи и тяжёлый квадратный стол.

По знаку Лу Юя рабочие сняли с телег детали двух плугов. Таскать столь массивные орудия в собранном виде было бы чистым безумием, поэтому везли их по частям, собирая уже на месте.

На стол выставили несколько бамбуковых коленцев, наполненных прохладным травяным взваром. В углу навеса водрузили широкую дощечку с размашистой надписью: «Плуги для заливных полей». Рядом разложили копии шаюаньского указа, и Лу Юй во весь голос принялся зазывать прохожих.

Слухи в этих краях разлетались быстро. Благодаря недавнему императорскому указу жители Пинцина прекрасно помнили, что сам государь вознаградил уездного судью из соседнего уезда

за диковинное изобретение. О чудо-плуге, который пашет куда быстрее и глубже привычного изогнутого плуга, судачили на каждом углу.

К тому же Пинцин лежал бок о бок с землями Шаоюаня, у его северной границы. Жители некоторых пограничных деревень могли просто подняться на ближайший холм, чтобы воочию увидеть дымы строящегося промышленного городка соседей.

Подобные новшества давно волновали умы всей округи, так что весть о появлении тех самых плугов мигом всколыхнула толпу. Крестьяне, шедшие в город по своим делам, сворачивали с дороги, желая собственными глазами поглядеть на диковинку.

Но стоило им подойти ближе, как они замечали на повозках не только плуги, но и прочую добротную утварь со стальными наконечниками: мотыги, грабли, тяжёлые заступы и острые серпы.

Всё это железо выковали подмастерья, чьи первые попытки отлить сложные плужные лемеха оказались неудачными. В самом Шаоюане подобного простого инвентаря скопилось с избытком, так что излишки решили пустить в дело и распродать соседям.

— Дядюшка, подходи, не стесняйся! Мы из Шаоюаня прибыли, — приветливо заговорил Лу Юй на чистом местном наречии, протягивая пожилому крестьянину бамбуковую чарку с прохладным взваром. — Коли в хозяйстве чего недостаёт — выбирай на здоровье. Берём и зерном, и монетой, но за звонкое серебро отдадим в первую очередь.

Лу Юй усмехнулся и качнул головой в сторону упряжки:

— Телег у нас маловато, горы зерна обратно просто не утащим.

Зевак собралось порядочно, однако торговаться никто не спешил. Крестьян смущали вооружённые солдаты из охраны, одетые в одинаковые серые кафтаны уездного ополчения.

Заметив их нерешительность, Лу Юй обернулся к своим людям и махнул рукой двоим дюжим парням:

— Ну-ка, берите один плуг. Пройдите от этого столба вон до того раскидистого вяза.

Парни разом подхватили собранное орудие. Один потянул спереди за лямку, другой пошёл позади, направляя рукоять. Однорядный плуг шёл на диво ровно и легко, без натуги взрезая сухую землю у обочины.

Крестьяне мгновенно забыли про стражу. В глазах их разгорелся алчный, профессиональный интерес — всякий, кто хоть раз в жизни шёл за волом, с первого взгляда понимал, насколько эта штука облегчает пахоту.

— Наш господин уездный судья Цзян разузнал, что в Пинцине таких плугов ещё не видали, вот и распорядился выделить малую толику для соседей, — зычно прокричал Лу Юй, чтобы его расслышали даже в последних рядах. — Из других уездов за ними в очередь выстраиваются, старосты локтями толкаются! Коли сейчас упустите случай — второго раза не будет. Самим придётся в Шаоюань тащиться да у кузниц неделями ждать!

Закончив завлекать покупателей, он вновь развернул уездный указ и принялся вслух читать условия: сколько стоит аренда одного плуга на день, каков залог, а заодно перечислил, какие мастера требуются в Шаоюане. Особо выкрикивал плату для плотников, кузнецов, корабелов и опытных лодочников.

— Кто работы не боится — милости просим к нам в уезд! Места всем хватит. Кормим досыта, платим исправно звонкой монетой, без обмана!

В толпе началось оживлённое шушуканье. О том, что у соседей творится нечто невообразимое, многие уже краем уха слышали.

— И то правда! — выкрикнул кто-то из толпы. — У меня дядька из Пинцзяна сбежал, когда тамошние бандиты лютовать начали. Подался в Шаоюань. Так на прошлый праздник провести нас приезжал — все в новых кафтанах, ни единой заплатки!

— Погоди, а ведь с нашей улицы брат Чжао тоже на юг ушёл пахать? Говорили, на шахты нанялся?

— Да разве он один! У лавочника Ху счетовод Ян сбежал среди ночи, даже расчёта не дождался, удрал в Шаоюань!

Дав людям вволю нашуметься, Лу Юй перешёл к ценам. Он поочередно поднимал то серп, то мотыгу, оглашая стоимость каждого привезённого инструмента.

В окрестных деревнях хорошего кузнеца днём с огнём было не сыскать: случись поломка — приходилось тащиться в город и платить втридорога за починку. Потому крестьяне охотно раскупали готовый инвентарь прямо у ворот, избавляя себя от лишних трат и мытарств.

Примерно через час привезённая мелочёвка разошлась почти подчистую. А вот тяжёлые плуги так никто и не решился купить — вещь дорогая, крестьянину в одиночку не подступиться. Едва Лу Юй достал из сумы сухую лепёшку, собираясь перекусить, как из городских ворот опрометью выбежал человек.

— Почтенный... погоди... не убирай! — задыхаясь от быстрого бега и утирая пот с лица, прохрипел пришелец. Кое-как переведя дух, он выпалил: — Плуги эти... сколько их у тебя осталось? Мой хозяин забирает всё! Сразу, за наличные!

Лу Юй даже оторопел. Плуг для заливных полей стоил немалых денег, а этот человек, едва появившись, заявлял, что скупит всю партию. Отложив лепёшку, Лу Юй попытался охладить его пыл:

— Почтенный, вы не торопитесь...

— Зови меня просто лавочник Ху, — перебил его запыхавшийся толстяк, чей лоб так и блестел от пота. — Я здешней торговой лавкой заправляю.

— Уважаемый лавочник Ху, — Лу Юй вежливо указал ему на скамью под навесом и протянул свежего взвара. — Присядьте, переведите дух. Товар наш никуда не убежит. Вы изволили сказать, что ваш хозяин желает забрать всё? Но мне надобно сперва растолковать вам одну важную вещь.

Лавочник Ху лишь отмахнулся. Какое тут ещё «растолковать», когда время не ждёт!

О шаоюаньском уездном судье теперь знал сам государь, приславший высочайшую награду! Будь у хозяина лавки возможность сойтись поближе с уездным судьёй Цзянем лично, он бы уже давно сидел с ним за одним столом и распивал лучшее вино. Да только Пинцин — уезд чужой, путей для подношения подарков не найти, а тут такой случай завязать знакомство через товар!

— Полно тебе, парень, — замахал руками лавочник Ху. — О мудрости уездного судьи Цзяня у нас в Пинцине каждому младенцу известно. Раз его светлая голова этот плуг измыслила, значит, вещь отменная, и спорить тут не о чем! Хозяин мне строго-настрого наказал: ежели я к вечеру эти плуги на склад не доставлю, завтра могу за порог лавки выметаться без гроша в кармане!

Лавочник скосился в сторону выставленных образцов. Мощный железный лемех тускло поблескивал на солнце, на нём ещё виднелись крохи сырой жёлтой глины после недавней пробы. А позади плуга тянулась ровная, глубокая борозда — глубина её действительно поражала воображение. Торговое сердце Ху сладко заняло от предвкушения прибыли.

Хозяин выразился ясно: коли за эти штуки не затребуют сотни золотых, сделку нужно заключить непременно — хотя бы ради того, чтобы выказать почтение уездному судье Цзяню и прослыть его добрым приятелем.

Лу Юй мягко, но настойчиво придержал толстяка за плечо. Раз перед ним стоит зажиточный купец, готовый скупить товар не глядя на цену, следовало действовать строго по указке советника Цзяня: показать честность и расположить к себе покупателя с первого же мгновения.

— Почтенный лавочник Ху, вы меня выслушайте, дабы после обиды не вышло, — рассудительно произнёс Лу Юй. — Те плуги, что мы привезли сегодня, — однорядные. То бишь за один проход

они взрезают лишь одну борозду. Те, что пахут сразу в три ряда, больно тяжелы и велики, на простых тачках их сюда не доставить.

Он указал рукой на свежевспаханную полосу земли у дороги:

— Сами поглядите, какая славная и ровная борозда выходит.

Когда Лу Юй неспешно объяснил, как работают многорядные плуги на три или четыре борозды, лавочник только глаза вытаращил от изумления. Если даже этот простой плуг творил такие чудеса, то какова же в деле тройная махина? Сколько же времени и сил она сбережёт при весеннем севе!

Лавочник Ху залпом осушил бамбуковый стакан, утёр рот рукавом и решительно рубанул воздух ладонью:

— Всё одно берём! И эти однорядные заберём до последнего!

Оглядевшись по сторонам, он увлёк Лу Юя за угол навеса, подальше от любопытных ушей, и ловким движением сунул ему в руку увесистый вышитый мешочек с монетами.

— Братец, раз тебе доверили такое сокровище везти, значит, ты у господина уездного судьи Цзяня на хорошем счету, — вкрадчиво прошептал толстяк. — Не подсказешь ли по секрету... найдётся ли у господина судьи свободный час для скромного купца? Нам бы насчёт тех больших, трёхрядных плугов с глазу на глаз потолковать... Хозяин мой в обиде не оставит.

«А ведь советник Цзян как в воду глядел», — подумал Лу Юй. Помощник судьи заранее предупреждал, что богатые торговцы станут совать взятки ради одной лишь возможности предстать перед взором уездного судьи. Отказываться от таких предложений не следовало — именно через этих заправил Шаоюань планировал прочно закрепиться на рынке соседнего уезда.

Слово «рынок» в устах советника звучало как-то мудрёно, но саму суть Лу Юй усвоил отлично. Он простодушно улыбнулся и, не колеблясь, спрятал кошель в глубокий рукав.

— Ну что вы, лавочник Ху, к чему такие траты, — мягко проговорил он. — Многорядных плугов в нашей уездной мастерской и впрямь немного выпускают. Вы выберите день да приезжайте к нам в Шаоюань. Я поговорю с советником Цзяном, и мы вместе сообразим небольшое застолье, где всё и обсудим. Как вам такое предложение?

Собеседники понимающе переглянулись, и разговор вернулся в прежнее русло.

Местное железо в Пинцине ценилось дорого, и на этой разнице можно было знатно пожить. Однако Лу Юй, памятуя об уговоре, повёл себя на редкость честно:

— Наш уездный судья Цзян радеет о благе простого люда, оттого и цены не задирает. У нас в Шаоюане такой однорядный плуг стоит ровно четыре лян серебра. А ежели кто купить не может — сдаём внаём за двадцать медных монет в день, под залог в десять монет.

Вестимо, везти товар по бездорожью — дело накладное, и дорожные расходы вместе с платой рабочим должны быть заложены в цену. Обычному покупателю плуг обошёлся бы во все шесть лянов. Но лавочник Ху забирал всю партию разом, став их первым крупным клиентом. Пошептавшись со своими артельщиками, Лу Юй решил сделать скидку: сбавил цену, округлив её в пользу покупателя, да ещё и новенькую мотыгу присовокупил в качестве подарка.

Лавочник Ху без лишних слов отсчитал серебро и, сияя от счастья, велел своим слугам уносить драгоценные плуги. Стоявшая вокруг толпа крестьян, прослышав про цены и завидев, что шаоюаньские гости начинают потихоньку разбирать навес, заволновалась. Люди наперебой заголосили:

— Почтенные! А в следующий раз когда приедете? В какой день вас тут ждать?

Кое-кто из местных мужиков оказался сообразительнее прочих: смекнули, что можно сложиться всем миром, купить один такой плуг на несколько дворов, быстро управиться со своими наделами, а после — по примеру шаоюаньского судьи — сдавать его соседям внаём и возвращать потраченное серебро!

Сворачивая опорные шесты навеса, Лу Юй крикнул в ответ:

— У нашего господина уездного судьи лишнего товара на складах не залёживается, кузнецы едва успевают стучать молотами. Коли дело не терпит и пахать надо срочно, соберитесь всем селом, выберите ходоков да отправьте к нам в Шаоюань. Там, на месте, и выбор богаче, и подберёте всё, что сердцу угодно.

Напоследок он ещё раз зычно зачитал уездный указ, напоирая на то, как хорошо живётся рабочему люду в Шаоюане: кормят сытно, похлёбку варят на мясном бульоне, а расчёт за труды выдают каждый вечер на руки — без задержек и утайки. Ежели работать на совесть и не отлынивать, то за пару лун можно скопить приличное состояние.

Закончив речь, шаоюаньцы побросали пустые тачки на повозки и поспешили в обратный путь, пока солнце не зашло за вершины гор.

Когда же из здания управы Пинцина неспешно высыпали уездные стражники, сообразив проверить, что за смуту устроили чужаки у ворот, ловить им было уже некого. Пыльный тракт опустел, крестьяне мирно тянулись в город, а о недавних гостях напоминали лишь две ровные, глубокие борозды на придорожной земле.